

Ксения Гаврилова

Конференция «“Народная лингвистика” — взгляд носителей языка на язык»

19–21 ноября 2012 г. в Санкт-Петербурге прошла конференция «“Народная лингвистика” — взгляд носителей языка на язык», организованная совместно Институтом лингвистических исследований РАН и факультетом антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге в рамках партнерской деятельности в составе научно-образовательного центра «Языковые ареалы России». Объем понятия *народная лингвистика* (далее — НЛ) был определен организаторами: НЛ — это область лингвистической антропологии (в русле концепции *four-field anthropology*, сформулированной Ф. Боасом), фокусирующаяся на изучении представлений носителей о языке и влиянии таких представлений на социокультурную ситуацию в сообществе и структуру самого языка¹. Практически все предложенные организаторами направления были так или иначе затронуты в представленных докладах. Распределение докладов по дням во многом было обусловлено их тематикой. Так, особенно удачными кажутся расположение лекций приглашенных докладчиков в гуще близких по проблематике докладов (например, сообщения М.А. Кронгауза о «лингвистических конфликтах» на фоне докладов о метаязыковой

Ксения Андреевна Гаврилова
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
kgawrilova@eu.spb.ru

¹ Подробно о темах, предложенных для обсуждения на конференции, см. на официальном сайте ИЛИ РАН: <http://iling.spb.ru/conf/folk2012/folk2012_call_for.html?language=ru>.

рефлексии и интернет-дискуссиях на лингвистические темы) и группировка докладов по критерию языка представления (поскольку рабочими языками конференции были русский и английский, организаторам приходилось учитывать компетенцию аудитории)¹.

Начну с группы докладов, посвященных представлениям носителей языка о структурных элементах своего языка (единицах разных языковых уровней), устойчивым оценкам / характеристикам таких единиц и социально детерминированным языковым стереотипам. Несколько докладов были выполнены в русле исследования феномена «осознания языка» (language awareness) носителями, не имеющими специального лингвистического образования.

В докладе **Е.В. Перехвальской** (Санкт-Петербург) «**Suprasegmental characteristics: how they are viewed by the speakers**»² рассматривались процессы восприятия и стратегии описания носителями супrasegmentных характеристик *удэгейского* языка (один из тунгусо-маньчжурских языков Дальнего Востока) и языка *муан* (нигеро-конголезская языковая семья, Кот-д'Ивуар). Для обоих характерно тоническое ударение, отличное от силового ударения доминирующих русского и французского языков. Благодаря владению русским языком и получению базовых лингвистических представлений в школе носители удэгейского языка для описания тонов и специфических артикуляторных характеристик гласных (например, гортанных призвуков, фонаций) пользуются категорией «ударение». Иными словами, не владея соответствующей терминологией, носители, тем не менее, точно улавливают общую акцентологическую природу явлений и используют для их обозначения общую категорию. Точно так же носители языка муан — при более низком проценте грамотности в их сообществе — осознают смысловозначительную функцию тонов и настаивают на необходимости их воспроизводства в речи (например, исправляют ошибки обучающихся лингвистов). Более того, носители муан демонстрируют не просто осведомленность о тонах (в эмных терминах — способах «порождения звука, голоса»), но и предлагают лингвистам свой способ воспроизводства мелодического рисунка фразы — при помощи «высвистывания» (в языке муан тональный рисунок характеризует не отдельные слова, а целые фразы, поэтому информанты

---

¹ Программа конференции, частично снабженная презентациями и раздаточным материалом к представленным докладам: <http://iling.spb.ru/confs/folk2012/folk2012_program.html>. К конференции был издан сборник тезисов [Народная лингвистика 2012]; электронная публикация тезисов: <http://iling.spb.ru/confs/folk2012/folk2012_abstracts.pdf>.

² Видеозапись доклада: <<http://www.lektorium.tv/lecture/?id=14152>>.

сначала «высвистывают» всю фразу и только потом описывают тональные характеристики отдельных сегментов).

Результаты тематически близкого исследования были представлены в докладе **Н.В. Кузнецовой** (Санкт-Петербург) «**Vowel reduction in Lower Luga Ingrian: scientific description and “folk” perception**»¹. Среди фонетических процессов в современном нижнелужском диалекте ижорского языка (на данный момент насчитывается всего ок. 100–150 носителей) есть характерная тенденция к редуцированию гласных в неначальной позиции. При этом степень и условия редукции, описанные исследователями-лингвистами, коррелируют с данными двух источников, составленных непрофессионалами, а именно с записями, выполненными носителями диалекта 1920-х гг.р. Описания процессов последовательного редуцирования гласных, сделанные лингвистами, предсказывают и объясняют большинство случаев редукции, выявленных в текстах рукописей. Это, с одной стороны, доказывает высокую чувствительность носителей к фонетическим особенностям идиома и их способность отражать эти особенности на письме, а с другой — демонстрирует возможную технику взаимодействия народной лингвистики и академической, в частности продуктивность использования данных НЛ как источника.

Сходный с точки зрения объекта исследования, но отличный по проблематике доклад «**The phonaestheme /gl/: To what extent are English speakers aware of a meaning connection with “light”?**» представил **М. Виллетт** (**M. Willett**, Кардифф, Великобритания)². Операциональным для его исследования является понятие «фоноэстемы» («phonaestheme»), обозначающее «фонетическую структуру» (сочетание звуков), наделенную определенными смысловыми коннотациями благодаря частой встречаемости в лексемах с близкой семантикой. В отечественной традиции подобные исследования обычно ведутся в русле фоносемантики. Примером фоноэстемы автор считает звуковое сочетание *gl*, встречающееся в большом количестве слов английского языка с общим значением ‘свет’ (*glow, glisten, gleam, glint, glimmer, etc.*). Чтобы доказать устойчивость связи между сочетанием *gl* и семантикой ‘свет’, автор провел три эксперимента с участием носителей английского языка. В двух экспериментах от респондентов требовалось соотнести несуществующее слово и изображение (в первом случае предложены три несуществующих слова, одно из которых начинается сочетанием *gl*, и изображение сияющего объекта; во втором —

¹ Видеозапись доклада: <<http://www.lektorium.tv/lecture/?id=14155>>.

² Видеозапись доклада: <<http://www.lektorium.tv/lecture/?id=14154>>.

наоборот, одно слово на *gl* и три изображения); в рамках третьего эксперимента респондентам предлагалось изобрести слово, которое имело бы значение 'излучать свет'. Результаты подтвердили гипотезу автора: носители английского языка действительно связывают сочетание *gl* со значением 'свет'. Впрочем, ни неоспоримые выводы, ни техника проведения эксперимента, на мой взгляд, не свидетельствуют об осознанном характере этой связи — речь идет не о «*language awareness*», а об устойчивых ассоциативных значениях звуковых сочетаний, существование которых может доказать (и вербализировать) только лингвист.

Процессы, описываемые социолингвистами как «*language awareness*» носителей языка, охватывают большинство уровней языковой системы — не только фонетический, но и лексический, морфолого-синтаксический и другие. Проблематика «осознания», как правило, смыкается с исследованием «наивных» оценок лингвистических фактов и функционирования устойчивых языковых стереотипов / «позиций» (*language attitudes*). Доклад В.Б. Гулиды (Санкт-Петербург) «**Eliciting speakers' attitudes to Russian word stress patterns: folk linguistics and the spontaneity issue**» был посвящен выявлению оценок (и способов оценки) конкурирующих моделей ударения слов русского языка (*stress patterns*, например, *слэсару* — *слесаря*). Исследование проводилось при помощи теста на свободные ассоциации (*Free Association Test*): испытуемым (всего 200 респондентов разного возраста и уровня образования) было предложено не задумываясь прокомментировать 40 слов-стимулов с альтернативными ударениями. Все полученные ассоциации автор разделила на *типы ответов*, отражающие стереотипные взгляды / суждения носителей языка и формирующие вместе социокогнитивное оценочное поле («*attitudinal cognitorium*», включающий в себя «объекты, ценности и представления, ответственные за воспроизводство социального порядка в сообществе»). В докладе было представлено три типа ассоциаций-ответов, так или иначе апеллирующих к представлению о языковой норме и нормативных языковых вариантах («*Standard language ideology*»): ответы, воспроизводящие стереотипные представления о социальных группах и соответствующих им престижных / непрестижных языковых вариантах (например, стимул «лифтá, средствá» — ассоциация «советский хозяйственник»), оценка варианта как правильного / неправильного (например, «баржá, тортá, аэропортá» — «неправильное ударение, косое ударение») и оценка варианта через отнесение его к социолекту, использование для оценки лингвистической терминологии (например, «средствá» — «бюрократизм»).

Пример перевернутого применения методологии (фокусировки не на языковом материале, а на факторах его восприятия)

представлен в исследовании А. Приходкина (A. Prikhodkine, Лозанна) «**Tell me your name and I'll say if you speak with an accent**». **Effect of proper names' ethnicity on listener expectations**». Предпосылки исследования и предложенного эксперимента те же: образец речи (специфическая языковая черта) может вызывать ассоциацию с той или иной социальной группой и, соответственно, к говорящему применяется тот набор стереотипов, который закреплен в данном сообществе за всей группой. На восприятие (оценку) речи принципиально влияют те сведения о социальной «биографии» говорящего, которыми владеет слушатель. Невербальные маркеры социального статуса говорящего (то, что известно о говорящем до прослушивания) могут нивелировать акустически различимые характеристики речи в случаях, если эти характеристики расходятся с ожиданием слушателя. В представленном исследовании автор убедительно показывает, как личные имена дикторов (точнее — этническая специфика присвоенных дикторам имен, «арабская» и «португальская») влияют на оценку фрагментов их речи участниками социолингвистического эксперимента. Эксперимент показал, что ключевым фактором для оценки речи является не уровень владения французским языком, а экстралингвистическая характеристика: образцы речи дикторов, которым были присвоены «этнические» имена, получили меньше положительных оценок слушателей, более того, фактор имени провоцировал разную оценку одного и того же фрагмента речи (диктора) участниками эксперимента.

Оценке допустимости (уместности) переключения кодов в речи билингвов был посвящен доклад Е. Давидяк (E. Davidiak, Нью-Йорк) «**Perception and production of code switching by bilingual speakers**». Работа выполнена с использованием социолингвистического эксперимента: респондентам (10 испано-английских и 10 русско-английских билингвов, в обеих группах английский — второй язык, возраст респондентов — от 20 до 45 лет) был предложен список из 12 смешанных высказываний и дано задание оценить их по шкале от 1 до 5 в зависимости от приемлемости конструкции. Эксперимент показал, что испаноговорящие билингвы воспринимают переключение кодов как речевую норму внутри своего сообщества, в то время как русскоговорящие чаще рассматривают речь, изобилующую переключениями, как стигматизированную. Тем не менее представители обеих групп оценили фразы, нарушающие основные грамматические правила переключения, как неприемлемые. Последовавшие за экспериментом интервью продемонстрировали, что практически все участники теста, вне зависимости от декларируемого отношения к переключению кодов, продуцируют смешанные фразы с широким диапазоном

структурных особенностей — от одиночных именных вставок до сложных переключений внутри глагольной группы. Наконец, большинство билингвов выступает не только как информанты, но и как носители экспертной оценки в области «code switching»: не владея лингвистической терминологией, они весьма чувствительны к нарушению принципов переключения и, как правило, могут интерпретировать нарушения в эмных терминах.

Исследование «language attitudes» включает в себя вопросы формирования у носителей представления о нормативном (стандартном, правильном) языке, необходимости овладения нормой языка и сохранения «культуры речи». Озабоченность носителей языка лингвистическими проблемами (в особенности «чистой» языка) возросла в последние десятилетия — не в последнюю очередь из-за популяризации Интернета и появления новых возможностей ведения интернет-дискуссий. Выступление **М.А. Кронгауза** (Москва) «**Лингвистические конфликты Нового времени**»¹, посвященное дискуссиям на лингвистические темы в среде непрофессионалов, началось с краткой характеристики проектов изменения нормы языка, инициированных лингвистами и вызвавших болезненную реакцию рядовых носителей языка. В числе проектов упоминались «спор о реформе орфографии» начала 2000-х гг., «спор об употреблении буквы ё», «спор о новых русских словах». Как правило, реформы «сверху» в информационном поле СМИ или Интернета предстают в редуцированном виде и сводятся к обсуждению нескольких «проблемных» языковых единиц (например, грамматического рода лексемы «кофе» или признания словарями лексемы «гламур»). Внешне похожие, но прагматически отличные споры о норме, преимущественно орфографической, разворачиваются в пространстве интернет-ресурсов, не ставящих перед собой дидактические или просветительские цели.

Яркими примерами масштабных лингвистических конфликтов последнего десятилетия, в разжигании которых лингвисты не принимали участия, автор считает появившийся в 1999 г. «язык падонкафф» и аморфное движение середины 2000-х гг., известное как «граммар-наци». Основным нервом доклада, как кажется, является замеченное автором напряжение между уровнем декларации — призывами к консервации или модификации нормы — и реальными целями движений. Провокационная антиграмотность «падонкафф» отталкивается от советского представления об обязательной грамотности и упирает на сознательное нарушение правил (а не на свободу

---

¹ Видеозапись доклада: <<http://www.lektorium.tv/lecture/?id=14156>>.

«незнания» их). Исторически же проект был реакцией на «воинствующую грамотность на коммерческой основе» — на распространенные в 1990-е гг. ресурсы, навязывавшие проверку грамотности интернет-контента за плату. Формальной целью «граммар-наци» является борьба за грамотность в Интернете, на деле же, по мнению автора доклада, сосредоточенность на ошибках собеседника и их исправлении — в ущерб обсуждаемой теме — функционирует как способ разрушения коммуникации и достижения победы в споре посредством понижения статуса допустившего ошибку. Последствиями описанных конфликтов автор считает невозможность различения антиграмотности и неграмотности в современном интернет-тексте (приводящее, например, к неправильной реакции / несчитыванию скрытой иронии собеседника), а также укоренение такой стратегии ведения виртуального спора, как «троллинг» — подавление собеседника посредством фокусировки на его ошибках.

Сходные проблемы предложил к обсуждению **В.А. Ефремов** (Санкт-Петербург) в заявленном докладе «**О новых формах наивной лингвистики в эпоху Интернета**». Среди новых форм НЛ и опирающихся на них стратегий коммуникации он выделяет «жаргон падонкафф (олбанский язык)», «движение граммар-наци (Grammar Nazi)», лингвистический троллинг и закон Годвина (еще одна стратегия ведения интернет-полемики). В числе результатов влияния Интернета на язык и речь автор упоминает «падение уровня культуры и... трансформацию компетенций языковой личности». Близкую идею высказывал и Кронгауз, замечая, что коммуникация в Интернете невозможна без ошибок и провоцируемого ими «орфографического стыда», не препятствующего, впрочем, коммуникации.

Еще одним близким по тематике докладом стало сообщение **Е.Н. Геккиной** (Санкт-Петербург) «**Речевые ошибки как фокусы метаязыковой рефлексии**»¹. Используя материалы СМИ, Интернета (в том числе сайта «Культура письменной речи») и архивы справочной службы ИЛИ РАН, автор попыталась выявить перечень языковых ошибок и недочетов (от орфоэпических до орфографических и пунктуационных), которые чаще всего становятся объектами рефлексии и критики носителей языка². Кроме того, в докладе были представлены типы оценок

¹ Видеозапись доклада: <<http://www.lektorium.tv/lecture/?id=14157>>.

² В заявленном стендовом докладе **Ю.А. Сафоновой** «**Письмо о словах как речевой жанр**» также предполагалось на материале медиапродукции, посвященной обсуждению проблем культуры речи (преимущественно радиопередач), выявить темы, наиболее интересующие носителей языка, «причины» языковой рефлексии (такие как несоответствие речевой практики опыту носителя или столкновение с «медийной псевдолингвистикой»), источники представлений о норме.

языковых фактов (ср. доклад В.Б. Гулиды), отсылающие к представлениям о структурной или жанрово-коммуникативной сферам языка, индивидуальному опыту носителя или справочной информации (лингвистическому описанию).

Рассмотрению представлений о языковой норме на материале французского языка и его вариантов был посвящен доклад **Х. Фавро (H. Favreau, Анжер) «Speakers' attitudes about language: generators or mirrors of sociolinguistic changes? The example of French»**. Нормативный подход предполагает абстрактно идеализированное отношение к языку как системе: так, различия между тем, как рядовой носитель определяет языковую норму и оценивает собственное речевое поведение, указывают на разрыв между воображаемым и реальным модусами существования языка. Материалом для предложенного исследования послужили опросы более чем 600 носителей французского языка, позволившие судить о варьировании представлений рядовых носителей о французском языке в зависимости от социальных характеристик респондентов (возраста, пола и места проживания).

Доклад **А.А. Лопухиной (Москва) «Изменение отношения носителей диалекта к своей речи (на примере одного диалекта Архангельской области)»** продемонстрировал, как носители архангельского говора севернорусского диалекта русского языка оценивают свой идиом на современном этапе, какие языковые факты выбирают для описания постепенного изменения идиома на протяжении XX в. Характеристика своего идиома строится на двух оппозициях: *диалект — литературный язык* (говорить «старо» / «некультурно» / «по-деревенски» — говорить «современно» / «культурно» / «по-городскому») и *свой диалект — другие диалекты* («русской язык» / «всесторонний язык» — «говорить не по-русски, по-своему»). Если в случае второй оппозиции чужой диалект вполне ожидаемо получает отрицательную оценку (как неправильный, «ломаный»), то в рамках первой оппозиции отрицательную оценку получает чаще всего свой диалект: несоответствие его фонетических и в меньшей степени лексических / грамматических особенностей норме, транслируемой школьными учебниками и СМИ, оценивается как признаки дефектного, низкого, несвойственного образованным людям / городу идиома. Впрочем, ситуация меняется с появлением новой идеологии: когда региональный идиом получает статус маркера этнической группы (например, поморов), отличие от нормы начинает рассматриваться как символический капитал.

Интерес исследователей к нарастающей рефлексии носителей языка над «культурой речи» и проблемами соблюдения /

отрицания языковой нормы¹ стал причиной интересных дискуссий. В центре внимания, конечно же, оказались именно интернет-конфликты. Один из комментариев к докладу М.А. Кронгауза содержал гипотетическое объяснение взрыва интереса к языковой норме. Комментатор предположил, что феномены, подобные течению «граммар-наци», возникают вследствие низкой осведомленности носителей русского языка о его диалектном / социолектном разнообразии и существовании при этом представления о незыблемых правилах (в особенности орфографических), которые нужно охранять «полицейскими методами». Кронгауз в ответ предостерег от оценки ситуации с русским языком как уникальной (само понятие «граммар-наци» заимствовано): советская эпоха действительно ориентировала массовое сознание на правильный литературный язык (притом что достоверных данных о «всеобщей грамотности» в советские годы нет), в постсоветские годы появились люди с принципиально противоположной точкой зрения — это и провоцирует «конфликт», что само по себе неплохо, так как указывает на подлинный интерес к языку.

В отдельный блок можно выделить доклады, посвященные народным представлениям о лексике и лексической системе: семантике и происхождении отдельных лексических единиц, способах толкования слов и лексикографической практике непрофессионалов. Ключевым для двух методологически близких докладов — Б.Л. Иомдина и Н.Г. Брагиной — оказалось соположение академической лексикографии и спонтанных / непрофессиональных опытов толкования слов. В обоих исследованиях материалы «наивных» толкований рассматривались как источник для научного описания лексических единиц, что в целом продолжило линию рассмотрения феномена НЛ одновременно и как объекта исследования, и как альтернативного материала.

Б.Л. Иомдин (Москва) в своем докладе «**Наивные представления о значениях слов**» утверждал, что при составлении словаря-тезауруса бытовой терминологии русского языка продуктивно использовать не только источники, традиционные для академической лексикографической традиции (художественные тексты, другие словари), но и оригинальные экспериментальные методы — опросы носителей языка (основанные, например, на

¹ В полной мере эта тенденция отразилась и в заявленном стендовом докладе **С.В. Рябушкиной** (Ульяновск) «**Склонение русских числительных как объект метаязыковой рефлексии (по материалам интернет-форумов и блогов)**». Еще один стендовый доклад — **Е.Л. Вилинбаховой** (Санкт-Петербург) «**Наивные правила употребления прописной и строчной буквы (на материале конструкции с *х-овой* буквы У)**» — содержал размышления лингвиста над структурными особенностями и прагматикой употребления конструкции типа «певец с большой буквы», в которой немотивированный орфографическими правилами выбор прописной («большой») буквы артикулируется (акцентируется) и выступает как прием создания дополнительных значений.

задании назвать бытовые предметы, изображенные на картинках) или наблюдения над «поведением участников языковых игр». На основании наблюдений над подобными играми можно говорить о целом спектре тенденций в области активного использования лексики языка и осмысления семантики языковых единиц: о выборе стратегий толкования слов, частотности и актуальности лексики, об актуальности тех или иных значений слова, о специфическом использовании распространенных терминов (противоречащем узусу специалистов).

Н.Г. Брагина (Москва) в докладе «**Наивные толкования концептуальных слов**» в поисках альтернативных источников сведений о семантике общеупотребительных слов прибегла к рассмотрению парафольклорных текстов, бытующих в Интернете. При многократном истолковании единиц абстрактной лексики (*любовь, дружба, свобода* и т.д.) носитель преследует цель не определить их лексическое значение, а выразить собственное отношение к называемым понятиям (сформировать «мировоззренческую позицию»), и в результате прибегает к способам толкования, отличным от классических. Среди таковых автор выделяет метафорические толкования (по модели *любовь — это [ад и рай]*), толкования при помощи погружения в ситуацию (по модели *любовь — это когда [мы думаем о человеке 24 часа в сутки]*), остенсивные толкования (по модели *изображение + текст*). Модели остенсивного толкования концептуальных слов продуктивно исследовать на материале популярных в Интернете «демотиваторов со смыслом» (жанр визуального парафольклора, канонический текст которого состоит из изображения в черной рамке и расположенного под ним толкования-слогана), предлагающих «неметафорические» (иллюстрирующие) толкования, толкования через «развернутую метафору» или сравнение и другие типы. Поиск новых способов и источников лексикографического описания приводит автора к выводу о возможности разработки «словаря синтетического типа, в котором семантизация лексических единиц будет сочетать вербальное представление с визуальным».

Самостоятельным лексикографическим опытом носителей языка посвящен доклад **Е.Д. Казаковой** (Екатеринбург) «**Авторский словарь диалектоносителя**». Материалом исследования стали 14 словарей, составленных школьными учителями, библиотекарями, журналистами и отражающих преимущественно лексику северо-сибирских говоров русского языка. На словник, структуру словарных статей и способы толкования влияют, по мнению автора, прагматические аспекты лексикографической практики: установка составителя словаря (в зависимости от нее выделяются словари-списки, толковые словари, энциклопедические словари), представления о предполагаемом адресате

(ориентация словаря на внутреннее потребление или на внешнее — собирателя диалекта или «широкую аудиторию»), социокультурный и языковой опыт составителя (степень знакомства с академической традицией и ориентации на нее). В фокус внимания лексикографа и, соответственно, в словник чаще всего попадает вышедшая из активного употребления «старинная» лексика (например, слова, знакомые автору с детства); номинации бытовых реалий прошлого; слова, оцениваемые как специфически «местные» или, наоборот, отличающиеся от регионального идиома. В зависимости от степени экзотичности слова автор включает в статьи перевод на современный или «городской» язык или снабжает толкования этнографическим или этимологическим комментарием.

В целом же «наивным» представлениям об этимологии было посвящено несколько отдельных докладов, достаточно близких по исследовательской методике, но отличных по анализируемому материалу. Сообщение **В.М. Алпатова** (Москва) «**Народная лингвистика в Японии и России**» было посвящено феномену народной этимологии и выявлению моделей наивной интерпретации происхождения слов. Представление носителя о родном языке как «настоящем», «естественно-необходимом», «богатом» поддерживает идеологию языкового превосходства и одновременно питает рефлексию носителей: так, повышенное внимание вызывает непонятное, например слова с непрозрачной внутренней формой. Можно выделить несколько моделей наивного этимологизирования: объяснение неизвестного через известное, поиск фонетического сходства слов (зачастую в ущерб семантической близости), поиск родственной связи между словоформами без разделения их на морфемы (представление о целостности слова: например, как родственные могут рассматриваться слова *мазать* и *мазелин* ввиду сходства начального слога, а «что значит остаток — неизвестно»). Тягу к наивному этимологизированию зачастую не устраняет даже элементарное образование или знание нескольких языков: лексика чужого, более престижного языка может обогатить интерпретационные модели, графически сходные слова могут стать основой поэтического образа, а умелое использование данных сразу нескольких языков — толчком к пересмотру истории и первым камнем в идеологии лингвистического национализма¹. Последнее утверждение

¹ Мифологемам, питающим идеологию лингвистического национализма, а именно представлениям о естественной связи слова и вещи, которую оно обозначает (и, следовательно, о существовании «настоящего» языка, универсального кода, раскрывающего сущностные свойства номинируемого объекта), и «оценочной мифологеме» (например, оценке какого-либо языка как наиболее близкого к престижному праязыку) был посвящен заявленный доклад **Д.Ю. Полиниченко** (Краснодар) «**Народная лингвистика и любительская лингвистика**».

справедливо по отношению к лингвистическим фантазиям Н.Я. Марра: идея естественной и нерушимой связи звучания и значения, продвигаемая Марром, своей произвольностью и квазиисторичностью близка современным идеологиям, использующим звуковые соответствия как свидетельства особой древности или «престижной» генеалогии того или иного языка и народа.

Необычный материал для исследования в области народной этимологии был предложен И.А. Шароновым (Москва) в докладе «**О народной этимологии и количественных сочетаниях с прилагательными в русском языке**». В фокус исследователя попали грамматические конструкции (сочетания с числительными *два, три, четыре*) и их модификации в речи носителей русского языка. Восприятие формы *груши* в конструкции *три груши* не как формы род. п. ед. ч., а как формы им. п. мн. ч. приводит к изменению нормы сочетания количественных конструкций с прилагательными: вместо формально правильной *три сладких груши* появляется конструкция *три сладкие груши* (прилагательное согласуется с им. п. мн. ч. существительного). Автор делает вывод о «нечуткости» носителей языка, воспринимающих все прилагательные в такой позиции как формы им. п. мн. ч. и таким образом меняющих грамматическую природу конструкции (числительное в сочетании *три сладкие груши* теряет управление и становится согласуемым по падежу словом)¹.

На стыке изучения наивного этимологизирования и поэтического переосмысления языковых единиц выполнено исследование Д.В. Сичиновой (Москва) «**“Это уже плюсквамперфект”: лингвистический термин как образ публицистики и эссеистики**». Автор утверждает, что активное употребление слова «плюсквамперфект» в публицистических сочинениях XX–XXI вв. прошло путь от заведомо узких трактовок (например, «давнопрошедшее») через переосмысление к близости типологическим особенностям и функциям плюсквамперфекта в языках мира: например, употребление сочетания «уже плюсквамперфект» для обозначения замкнутого, необратимого временного интервала в прошлом или ассоциация термина с пространством сказки, «возможных миров» (ср. тенденцию развития у формы плюсквамперфекта ирреальных значений).

К докладам о механизмах, прагматике и последствиях народного этимологизирования примыкает доклад В.Б. Колосовой

¹ Тематически близкий доклад «**Церковнославянский язык сквозь призму народной лингвистики**», заявленный Л.И. Маршевой (Москва), фокусировался на «современной народной интерпретации церковнославянского языка» — его альтернативных названиях, представлениях об узусе, переосмыслении устаревшей лексики и грамматических показателей, не соответствующих современным.

(Санкт-Петербург) «**Этимологическая магия в славянской народной ботанике**». Автор рассматривает реализованное в текстах (этнографических описаниях или фольклоре) «сближение» между названием растения и способом его магического использования. «Этимологическая магия» основывается не столько на самих фитонимах, сколько на лексике, описывающей признаки или этапы развития растения (например, первый огуречный цвет перевязывают ниткой из пояса, чтобы огурцы *вязались* так же густо, как *вязался* пояс). Особо автор отмечает случаи сочетания вербальной магии с контагиозной (когда «ритуально-магические действия основаны на внешнем сходстве предметов» — самого растения и точки приложения магии): так, в день Симона Зилота хозяйки кормят скот *желтыми* травами, чтобы масло было *желтое*. Исследование народной этимологии в русле этноботаники в качестве одного из продуктивных направлений предполагает установление соотношения вербального и объектного компонентов этимологической магии¹.

Отдельный блок исследований был посвящен оценке носителями своего идиома с точки зрения его символической ценности (престижа) в связи с проблематикой *language and identity*. При таком подходе рефлексии подвергаются не столько отдельные элементы языка, сколько статус той коммуникативной системы, к которой они, по мнению носителей, принадлежат. Так, исследование **К. Либар (С. Lybaert, Гент)** «**Spoken Dutch in Flanders: perceptions and attitudes by non-linguists**» фокусировалось на восприятии жителями Фландрии разговорного идиома *tussentaal* (среднего между литературным голландским и диалектами), получившего распространение в современной Фландрии в тех сферах, где ранее использовался литературный язык. В ходе исследования был проведен эксперимент, позволивший выявить отношение рядовых фламандцев к разным языковым вариантам. Автор пришла к выводу о существовании четких представлений о прототипичных идиомах — литературном голландском и диалектных вариантах (идиомы отличаются наличием диалектной лексики, полнотой фонетической артикуляции, акцентом и т.д.). При этом респонденты последовательно распознают и «промежуточный» идиом (некоторые его так и характеризуют, другие используют термин *tussentaal*, третьи отсылают к отличиям от усвоенной биполярной модели

¹ В русле этноботаники выполнено еще одно исследование, заявленное в качестве доклада, — **В.И. Семенов (Иркутск)** «**Метафорический способ образования флористической терминологии в бурятском языке**». Автор утверждает, что чем «понятнее мотивировка фитонима, тем оно ближе к народному названию», и предлагает несколько типов метафорической мотивировки названий (мотивировочным признаком может быть свойство растения, место его произрастания, форма его частей).

литературный язык — диалекты). Автор подчеркивает, что *tussentaal* не является лингвистическим конструктом, а безусловно распознается носителями (причем его характерные черты по-разному оцениваются по критерию допустимости).

Близкое по целям и методам исследование было представлено в докладе А. Дебозорги (А. Dehbozorgi, Тегеран) «**Socio-political factors for the preference of British English over American English: the case for Persian speakers of Iran**». Работая в русле методологии *perceptual dialectology*, автор задается вопросом, различаются и оцениваются ли по-разному два региональных варианта иностранного языка, сосуществующие в одном языковом сообществе. Эксперимент проводился в четырех крупнейших городах страны среди жителей, изучавших английский язык, и жителей, имеющих лишь общее представление о нем, вопросник был ориентирован на получение сведений о восприятии лингвистических и эстетических особенностей, различающих два варианта языка. По результатам, звучание британского варианта было оценено как более резкое (особо отмечено отсутствие звука [ɹ] и удлинения гласных в словах типа «possible»), американского — наоборот. При этом респонденты, изучавшие английский (особенно молодые люди), последовательно отдают предпочтение британскому варианту, вторая же группа ассоциирует черты британского варианта с роскошью / колониализмом и выражает лояльность американскому варианту — исключительно, по мнению автора, по социополитическим причинам. Ощутимое смещение лояльности (от американского варианта к британскому) подтверждает принципиальный для автора тезис о взаимообусловленности (иерархичности) оценки языкового варианта и политических предпочтений граждан.

Ряд докладов был посвящен «низовой» оценке языковой ситуации внутри сообщества, проблемам выбора идиома из конкурирующих вариантов, способам легитимации выбора и проведению языковой политики в многоязычных странах. В исследовании «**On the role of attitude in vernacular language maintenance. An account from the oasis of Siwa (Egypt)**» при помощи опросов и интервью В. Серрели (V. Serreli, Сассари) попыталась получить эксплицитные оценки конкурирующих в сообществе идиомов. Речь шла о бербероязычном египетском оазисе Сива, население которого характеризует языковую ситуацию в своем сообществе как биполярную: «родному» языку *sīwī* приписывается высокая символическая ценность (язык является маркером этнической идентичности) и приватная сфера использования (круг семьи, жители оазиса), в то время как с разговорным вариантом арабского (*āmmīyaa*) ассоциируется коммуникация «вовне» (с чужими, приезжими). Помимо того за арабским

идиомом закрепляются функции универсального инструмента коммуникации в пределах страны и языка образования.

Менее гармоничные языковые ситуации описывались в докладах Й. Беккер и Р. Митчел, выполненных на материале полевых исследований в африканских государствах Уганда и Камерун. Работа Р. Митчел (R. Mitchell, Кембридж) «**“Being Anglophone is not enough”: language, nationality and group membership in Cameroon**» фокусировалась на соотношении идиомов многоязычного Камеруна (ок. 280 местных языков, английский и французский языки имеют статус официальных) с идентичностями различного уровня у жителей страны (всего автором опрошено 109 городских представителей 49 этнических групп). Интервью показали, что роль местных языков (в частности, доля их использования внутри семей) постепенно снижается; четверть всех опрошенных расценивают французский и английский как легитимные языки Камеруна («Cameroonian languages»); на роль национального языка половина опрошенных предлагает язык, отличный от идиома родной для респондента этнической группы (при этом знание местного языка репрезентируется как условие принадлежности к группе). На шкале актуальных для камерунцев идентичностей этническая принадлежность лидирующего положения не занимает (сама шкала выглядит так: африканская — камерунская — [этническая] — англофон / франкофон), что может привести, по мнению автора, к утрате языкового и культурного своеобразия малых этнических групп Камеруна.

На трудностях языковой политики и конфликтах языковых (этнических) идентичностей был сосредоточен и доклад Й. Беккер (J. Becker, Франкфурт) «**Language attitudes in Uganda — folk linguistics as an instrument to access people’s linguistic conduct**». С точки зрения автора, именно данные народной лингвистики способны содействовать выбору национального языка в многоязычной Уганде. Так, в сознании жителей разным идиомам соответствуют разные стереотипные характеристики (такие как «язык скорби», «язык воров» и др.). Языковая политика может быть эффективна только при условии согласования позиций профессиональных лингвистов с детально описанной социолингвистической ситуацией.

Несколько исследований, посвященных языковым ситуациям, конструированию границ между идиомами и проблематике *язык и идентичность*, было выполнено на российском материале. Исследование О.А. Казакевич (Москва) «**Обыденные представления селькупов, кетов и эвенков о языке и языках (из опыта полевой работы)**» выполнено на материале продолжительных (с конца 1990-х гг.) наблюдений за жителями нескольких

десятков населенных пунктов центральной Сибири. Социолингвистическая ситуация в зонах соседства групп селькупов, кетов, эвенков характеризуется устойчивым набором представлений о *своем* идиоме и идиомах, с ним контактирующих: «этнический» язык утверждается как маркер этнической идентичности; в ситуации языкового сдвига непопулярный язык может использоваться как тайный; преподавание миноритарных языков, с одной стороны, оценивается позитивно, с другой — знание такого языка может рассматриваться как препятствие для усвоения русского, или преподаваемый в школе «этнический» язык может оцениваться как чужой или непонятный. Границы между идиомами поддерживаются при помощи целого спектра дискурсивных стратегий: кетский, эвенкийский и селькупский языки могут сравниваться по шкалам эстетической ценности или сложности для усвоения; речевое поведение характеризуется по параметру наличия в нем кодовых переключений (при обилии переключений говорят о «смешанном языке»); наконец, внутри каждого «языка» носители различают бесконечное число локальных вариантов (своих — «правильных», «чистых»; чужих — дефектных, «испорченных» иноязычными элементами).

Исследованию «локальных» границ идиомы и критериев их проведения были посвящены доклады Г.А. Мороза (Москва) «Адыгский, адыгейский, бесленеевский, уляпский: представления носителей уляпского говора о своем языке» и А.А. Сомина (Москва) «“Диалектная чересполосица” и наивная диалектология (на материале говора аула Уляп Республики Адыгея)». Мороз в своем докладе остановился на описании сложной матрицы взаимоотношений между идиомами разного уровня (говорами, диалектами, языками) и терминами, используемыми жителями аула Уляп для их обозначения. В качестве маркеров, репрезентирующих, с точки зрения респондентов, отличия идиомов Сомин называет лексические единицы (например, варианты слов «что» и «хлеб»), фонетические особенности (например, указание на уникальные для идиомов звуки, оценка идиомов в рамках оппозиции «мягкое — грубое» произношение), грамматические черты (например, специфический уляпский суффикс отрицания). Описанные доклады поднимают принципиальный для этой области НЛ вопрос о воспринимаемых границах идиомов и о стратегиях (идеологических предпосылках) присвоения идиоме статуса языка / диалекта / говора (и, кстати, о следовании лингвиста за эмной языковой картой; последняя проблема авторами, впрочем, не артикулировалась).

Некоторые замечания относительно стратегий различения «диалектов» и «языков» членами группы *коми* сделала Г.А. Некрасова (Сыктывкар) в докладе «Диалектное членение коми

языка (по данным народной лингвистики)». Так, диалектное членение коми языка, по представлениям носителей, соотносится с административно-территориальным делением республики (количество диалектов соответствует количеству районов, названия диалектов следуют за названиями административно-территориальных образований); по признаку территориальной близости выделяются и более крупные «диалектные зоны». Этническая группа коми-ижемцев наделяет свой идиом статусом отдельного языка и противопоставляет его «коми-зырянскому» (соответственно, свою группу позиционируют как автономную), в то время как «коми-пермяцкий» идиом осознается говорящими на нем как разновидность общего коми языка. Таким образом, выделение «диалектов» и «групп диалектов» обусловлено представлениями о соответствии каждой территориальной единице своего идиома, выделение же «ижемского языка» свидетельствует скорее о поиске этнической группой коми-ижемцев маркеров своей автономности¹.

В отдельный блок можно выделить три доклада, посвященные индивидуальным лингвистическим проектам непрофессионалов и влиянию таких проектов на принимающее сообщество. Доклад **В.В. Барановой** (Санкт-Петербург) «**Составление словаря и рождение нового языка**» был посвящен опыту конструирования нового («кацкого», ср. *Кацкий стан* — неофициальное название группы деревень на реке Кадка Ярославской области) языка и соответствующей ему новой этнической идентичности (группы), противопоставляющей себя доминирующей группе русских (этот случай сопоставим с выделением групп *поморов, старообрядческой группы усть-цилёма*, особого языка *сибирской вольготы* и др.). Как правило, успешность подобных проектов зависит от усердия инициаторов-активистов, определяющих границы новой группы при помощи ряда обязательных культурных маркеров, важное место среди которых занимает язык. В рассмотренном проекте краеведа С.Н. Темняткина *кацкий язык* и источники, доказывающие его существование (словарь кацкого языка, газета «Кацкая летопись», регулярно публикуемые в местной периодике списки кацкой лексики), устанавливают и поддерживают границы автономной группы *кацкарей*. Посредством же активной культурной политики, такой как организация «Музея кацкарей», проведение занятий по

¹ Еще один доклад, посвященный анализу представлений об идиомах (их культурных историях, референтных группах, обязательности, ценности и распространенности), был заявлен для стендовой секции: **Е.И. Кислова** (Москва) «**Представления о языках в церковной среде второй половины XVIII века**». В числе актуальных для эпохи языков должны были быть рассмотрены «языки богословия» (латынь, древнегреческий и древнееврейский), европейские языки (французский, немецкий), «живые языки» миссионерской деятельности (в провинциальных семинариях), «природный» русский и церковнославянский языки.

кацковедению в школе и детском саду, тематических сельских праздников, кацкая идентичность навязывается жителям деревень, а представление о существовании уникальной группы *кацкарей* («субэтноса») транслируется в масштабах района и даже (посредством Интернета) за его пределами.

Доклад Ю.Е. Галяминой (Москва) «**Александр Котусов — единственный специалист по поэтическому переводу с русского на кетский**» был посвящен творчеству поэта, композитора и переводчика, не имеющего специального филологического образования, но успешно делающего художественные переводы эстрадных и бардовских песен с русского языка на кетский. Докладчиком были представлены уникальные аудиозаписи авторского исполнения песен вместе с расшифровками слов (кетского текста и обратного перевода на русский), сделаны некоторые замечания относительно ритмических и метрических особенностей перевода, адаптации русских поэтических образов к языковой культуре кетов.

Наконец, в докладе «**Из нивхской “народной” лексикографии и этнографии. Екатерина Кулькиновна Ланина — нивхский народный лексикограф и этнограф**» В.С. Кулешов (Санкт-Петербург) продемонстрировал сборник-альбом [Ланина 2007], созданный на основе материалов, собранных носителем нивхского языка Е.К. Ланиной. В альбом помимо фольклорных текстов и этнографических описаний вошли рисунки Ланиной нивхского орнамента, моделей традиционной одежды и пр.

Слабо представленной в масштабах конференции оказалась тема, связанная с «народными» методиками преподавания языка. Единственным сообщением, затрагивающим проблемы обучения языку¹, стал доклад Е.В. Колосько (Санкт-Петербург) «**Смысловые примитивы в толкованиях идиоматических выражений**», посвященный опытам толкования лексикализованных сочетаний диалогической речи в учебном словаре для студентов-иностранцев. По замечанию автора, в отличие от фразеологических единиц идиоматические выражения (например, *а ну тебя, как же, ну да* и т.п.), как правило, не представлены в словарях или толкуются исключительно при помощи указания на эмоционально-оценочный компонент значения. Вместо такого толкования автор предложил дополнять лингвистические

---

¹ Изначально для стендовой секции были заявлены еще два доклада, так или иначе затрагивавшие вопросы «народной педагогики». В докладе Н.В. Сивицкой (Минск) «**Белорусские народные методы обучения языку и воспитания культуры речи**» в качестве методов обучения языку рассматривался широкий спектр речевых запретов, практик вербального взаимодействия с детьми, образцов речевого этикета, характерных, впрочем, не только для белорусской культуры. В докладе Е.В. Хачатурян (Осло) «**“Народная” семантика в контексте многоязычия**» был анонсирован анализ стратегий, которыми пользуются родители при объяснении семантики непонятных слов «трехязычному ребенку».

толкования вроде «*Чего там только нет!*» — служит для характеристики полноты наличия чего-н.», например, выражением «Здесь есть всё», позволяющим иностранцу понять высказывание и употребить его в речи.

Несколько докладов строились вокруг обсуждения методики полевой работы, техники сотрудничества исследователя и информанта, изменений языковой компетенции информанта после работы с лингвистом. В своем докладе «**Why there is no consensus on Tundra Yukagir orthography**»¹ С. Одэ (С. Odé, Амстердам) кратко описала проект исследования северноюкагирского (тундрового) языка (ок. 60 носителей) и культуры этнической группы юкагиров, реализованный в течение 2009—2012 гг. В рамках проекта производилось структурное описание языка, аудио- и видеозаписи спонтанной речи носителей и исполнения фольклорных текстов, осуществлялась работа с учителями школ и детских садов с целью улучшения учебных материалов. В ходе исследования был выявлен ряд проблем, затрудняющих как преподавание языка детям, так и полевую работу лингвиста, в частности отсутствие нормативной юкагирской орфографии. Под влиянием ряда факторов (различий в идиолектах, региональных вариантах языка, интерференции русского и якутского и др.) в разных источниках юкагирские слова записываются при помощи разных графем. Учителя, ориентируясь на одну орфографию, сталкиваются с текстами, написанными по другим правилам (иногда и сами учителя пытаются упростить или изменить орфографию). Исследователи, работая с записями информантов, не могут адекватно интерпретировать написанное. Решить проблему, по мнению Одэ, можно при помощи строгой ориентации на одну орфографическую норму, потекстового описания отклонений от нее и дальнейших исследований фонетики юкагирского языка, а также посредством тесного сотрудничества информанта и собирателя при работе с текстами.

Исследование М.З. Муслимова и Д.В. Сидоркевич (Санкт-Петербург) «**Миноритарные прибалтийско-финские идиомы: есть ли жизнь после языковой смерти?**» является примером тесного сотрудничества лингвиста с информантами в условиях дефицита сведений об интересующем языке. В докладе рассматривались ситуации, связанные с тремя диалектами ижорского языка в Ленинградской и Омской областях, а также с идиомом ингерманландцев в Сибири. Авторы утверждают, что и в ситуации «языковой смерти» — в сообществах, где языковой сдвиг завершился в первые послевоенные десятилетия, а последние

¹ Видеозапись доклада: <<http://www.lektorium.tv/lecture/?id=14153>>.

полноценные носители умерли на рубеже 1970–1980-х гг., — лингвист может собрать нетривиальную информацию социолингвистического (языковое соседство) или собственно лингвистического свойства¹.

Наконец, в завершающем конференцию докладе **«Профессия: информант» Д.Ф. Мищенко** (Санкт-Петербург) еще раз артикулировала один из центральных вопросов всей конференции, сформулировав его так: «Метаязыковые представления: до или после лингвиста?». Активное развитие полевой лингвистики в XX в. привело к формированию особой категории носителей языка — «информантов», чьи представления о собственном языке модифицируются вследствие регулярной работы с лингвистом. Исследователи говорят о важности формирования у информантов «технической» компетенции, не имеющей ничего общего с пониманием лингвистических задач. Тем не менее сотрудничество с лингвистом влечет изменение повседневного речевого поведения носителей языка и их статуса в сообществе, приводит к интенсификации рефлексии над теми или иными языковыми фактами (или к осознанию этих фактов). При этом существуют и условия активизации метаязыковой рефлексии, не зависящие от деятельности лингвиста, например ситуации языкового контраста (при контакте языков), коммуникативные неудачи или правила регламентации речевого поведения (системы ритуальных запретов или речевой этикет). НЛ как область лингвистической антропологии появляется именно на стыке метаязыковой рефлексии информанта и ожиданий лингвиста-профессионала, описывающего язык в полевых условиях (и рассуждающего о «профессиональной деформации» своих собеседников): «В потоке исследовательских работ <...> лингвист эпизодически (и всякий раз — как сюрприз и неожиданность) сталкивается с проявлениями, со стороны партнера-носителя, языковых знаний более высокого уровня, чем просто владение языком как средством групповой коммуникации, — иначе говоря, с проявлением знаний, отражающих уже выношенную рефлексия говорящих по отношению к тем или иным языковым фактам и явлениям» (Мищенко со ссылкой на А.И. Коваль).

Итог трехдневной работы подвел в своей завершающей лекции **«Where does “folk linguistics” belong?»** идейный вдохновитель и главный организатор конференции **Е.В. Головкин** (Санкт-

---

¹ Еще одной работой, описывающей тесное сотрудничество исследователя и информанта, при котором информант сам становится активным собирателем и комментатором устной (фольклорной) традиции своего сообщества, стала презентация **М. Коулера** (**M. Coler**, Ассен) **«From tacit knowledge to quantitative data: Observations on a collaborative method to document the language and culture of lesser-known languages»**.

Петербург). Выстроив научную генеалогию НЛ как направления на пересечении дисциплинарных полей антропологии и лингвистики, он еще раз охарактеризовал те темы, которые стали ключевыми в рамках конференции: феномен «осознания языка» носителями (language awareness), «наивные» оценки языковых фактов и языковые стереотипы (language attitudes), представления рядовых носителей о своем идиоме и нормативном языке (в том числе сравнительная оценка языковой компетенции), проблема соотношения языка и идентичности (языковые идеологии и языковой выбор), комплексное описание социолингвистической ситуации и вопросы языковой политики и, наконец, методология сотрудничества лингвиста с носителями языка в полевых условиях.

Библиография

- Ланина Е.К. «Нивхгу мролф тор»: (нивхские старинные традиции) / Ред. и корр. нивхского текста А. Хурьон. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2007.
- «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык: Тезисы докладов междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 г. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012.